

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

MODERN PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

УДК 159.9.01:124.3

ББК 88в

Б 14

С.К. Багадирова

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии Адыгейского государственного университета; E-mail: susanna22@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «ЦЕЛЬ» В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

(Рецензирована)

Аннотация. В работе осуществляется теоретический анализ методологических подходов к пониманию категории «цель» с античных времен до современности.

Ключевые слова: цель, причинность, каузальность, телеология, детерминизм, целевой подход, деятельностный подход.

S.K. Bagadirova

Candidate of Science in Education, Associate Professor, Head of General Psychology Department Adyghe State University; E-mail: susanna22@mail.ru

METHODOLOGICAL BASES FOR UNDERSTANDING THE CATEGORY OF “GOAL” IN PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY

Abstract. The work carries out theoretical analysis of methodological approaches to understanding the category of “goal” from ancient times to the present.

Keywords: goal, causality, goal formation, teleology, determinism, purposive approach, activity approach.

Категория «цель» является одной из центральных и наиболее древних категорий научного знания. Изучение категории «цель» актуально во все времена в связи с тем, что «цель» является базовым понятием в тех областях науки, где исследуются вопросы объяснительного принципа социального развития общества в разные исторические

эпохи, а также целенаправленной деятельности субъекта.

Смена исторических эпох ведет за собой смену научных парадигм. Необходимость переоценки научных категорий обусловлена не только тем, что смена научных парадигм приводит к обобщению передовых научных представлений, но и тем, что в научных категориях

сосредоточен многовековой опыт человеческой мысли. Именно поэтому считаем необходимым обратиться к истокам понимания категории «цель».

Проблема изучения категории «цель» имеет давнюю и богатую историю исследований. Многие столетия она рассматривалась только лишь в рамках философии. Впервые понятие «цель» возникает много веков назад во времена Античности, когда зародилась борьба между мифологическим и научным сознанием. Наиболее ярко спор вокруг понимания категории «цель» обнаруживался в противостоянии философских концепций причинности и телеологии.

Идея причинности была сформулирована в досократовские времена Демокритом, Левкиппом, Парменидом и др. Они выступали против представлений о человеке как о бессильном существе, власть над которым имеют внешние силы, Боги, судьба. Будучи атомистами, в своих рассуждениях они не обращались к целям, а все явления объясняли их причинами. Если происходит какое-либо событие, значит в этом есть необходимость. То есть представители этой школы искали причины явлений, а не их целесообразность.

В основе взглядов Сократа лежал принцип целесообразности [1]. Руководствуясь этим принципом, Сократ пытался найти соотношение между этическим и эстетическим, прекрасным и полезным. Поскольку мир устроен гармонично и всякая вещь существует в нем для определенной цели, то именно это, по мнению Сократа, и делает ее прекрасной. Следует отметить, что целесообразность у Сократа не означает практическую полезность вещи, она означает причастность к благу, то есть истине, добру, красоте. Главной целью человека, по мнению Сократа, является его совершенствование.

Объективный идеалист Платон считал, что все живое в мире,

имеющее душу, стремится к цели своего развития. Целью развития является идея как идеал или совершенство. Приступая к созданию скульптуры из камня, человек держит в уме идею будущей скульптуры. Скульптура возникает как объединение камня и идеи, живущей в сознании скульптора. Получившаяся скульптура не соответствует изначально обозначенному скульптором идеалу, так как, кроме идеи, к ней причастна еще и материя [2].

Ученик Платона Аристотель полагал, что наличие целевой причины характеризует не только человеческую деятельность, но и объекты природы, исходя из того, что каждая вещь стремится к своей энтелехии, завершению, то есть к своей цели. Кроме того, интересным является комплексный подход в изучении причинности, предложенный Аристотелем, состоящий из четырех причин [3]. Согласно представлениям Аристотеля, начинать следует с определения материальной причины (первый тип причин) – производящая причина, которая впоследствии стала называться действующей причиной, она обеспечивает начало действия и указывает на источник изменений. За ней следует формальная причина, позволяющая определить, почему явление или событие является именно таковым, то есть выявляется его характерная идея, воплощаемая в определенной форме. И последний тип – целевая причина, предполагает обозначение цели, для реализации которой происходит действие или существует некий объект или явление. Здесь следует отметить, что Аристотель считал уместным использование этого комплексного подхода при анализе и живых объектов и явлений социальной жизни. В дальнейшем из четырех типов причин остались только две – действующая (каузальная) причина и целевая (телеологическая) причина. Более того, Аристотелем

была высказана идея о совмещении каузальной и телеологической причины в исследовании.

Таким образом, уже период Античности оказалось продуктивным в плане определения методологии и методики объяснения категории «цель». Представление о цели как понятийной структуре развивалось от стихийного понимания до логического его исследования. В этот период меняется ее значение в теоретическом осмыслении философов. Изучение категории «цель» освобождается от мифологических и религиозных представлений. Античными философами была предложена двойственная трактовка цели. К примеру, учение Аристотеля выходит за рамки противопоставления материализма и идеализма. Телеология античности не имеет полного совпадения ни с идеалистическим, ни с материалистическим подходами в философии. Однако получившее все большее распространение идеалистическое понимание цели имело определенные познавательные преимущества по сравнению с материалистическими концепциями. Рассмотрение с идеалистической точки зрения сознательных действий человека позволяло изучать цель как объективную структуру естественных процессов.

В Средние века получившее широкое распространение христианство повлияло на развитие причинного и телеологического подходов. В рамках христианской философии возникло представление о спасении души как цели человека. Однако достижение этой цели возможно лишь необъяснимым сочетанием незаслуженного дара Бога и воли, детерминированной верой. Следовательно, между человеком и целью возникает пространство, которое наполнено идеальным образом цели и средствами ее достижения, о которых не существует четкого представления. Именно поэтому в христианской философии возникает суждение о цели как об идеале,

который невозможно достичь. В дальнейшем эта идеология была широко представлена в куртуазной культуре средневековья. Таким образом, если достижение цели маловероятно, то естественно встает вопрос о совершенствовании средств достижения недоступной цели.

Впервые телеология применительно к задачам христианства возникает в работах Августина, согласно представлениям которого Бог – высшее благо, создавшее мир из ничего. Он является хранилищем высшей мудрости, в котором содержатся идеи всех вещей, играющих роль целей – образов, предопределяющих деяния бога. Установленный богом порядок мира представлен как иерархия, содержащая последовательно виды идей. Бог есть внутри любой вещи в отдельности, которая стремится занять свое место в мировом порядке. Цель одной идеи является целью общего, индивидуальная цель человека частью мировой цели [2].

В системе Ф. Аквинского средневековая телеология приобретает свои окончательные черты. Согласно его представлениям, природные тела лишены сознания и действуют по причине цели. Понимание этого происходит из того, что они действуют однообразно, для достижения наилучшего результата. Тем не менее это свидетельствует о том, что они стремятся к цели, а не приходят к ней случайно, направляемые неким разумом – Богом.

Религиозным представлениям Сигер Брабанский противопоставляет детерминизм. Он характеризует цель в действиях человека как представление о действиях, которые человек намеревается произвести. Она является основой деятельности, так как определяет ее направленность.

В мире природы цель – это предрасположенность к определенному действию. В неодушевленной природе целью является идеальная модель, которая не

существует вне предметного мира. Принципом, определяющим изменение предметов, является действующая причина, направленная на определенный закономерный характер действия. Цель действия, понимаемая Сигером как результат, является стимулом к реализации действующих причин. Целевая причина охватывает всю структуру взаимодействия, включая свойства вступающих во взаимодействие предметов [4].

Итак, в средневековой христианской философии категория «цель» была призвана объяснить структуру мироздания, где каждый человек получал обоснование цели своего бытия от Бога. Для средневековой телеологии характерна общая устремленность к конечной цели – к Богу. Идея иерархической лестницы целей и причины является отличительной чертой телеологии. Низшая по совершенству ступень стремится к более высокой ступени как к своей цели.

Начиная с Нового времени основой классической науки становится детерминизм (доктрина о всеобщей причинности). Особенностью этого периода стало то, что детерминисты не отрицали существования целей, а телеологи не отрицали существования причин. Пример тому – понимание целесообразности Г.В. Лейбницем. Он описал четыре модуса существования и понимания целесообразности: эвтелизм – ситуация, где цель реально определяет процесс; автотелизм – процесс характеризуется как целесообразный, а на самом деле он причинный; эврителизм – интерпретация процесса как целесообразного – эвристически полезная фикция; ателизм – ситуация, где естественно и адекватно описывают процесс как причинный [5]. Подобное понимание целеобразования можно оценить и с точки зрения детерминизма, и с точки зрения телеологии. Тем не менее Г.В. Лейбниц считал отношения причины и цели не

симметричными. Причины происходят из цели, но не наоборот.

Философ Ф. Бэкон придавал большое значение целям человека. Более того, он считал, что категория «цель» применима к исследованию человеческой деятельности. Однако, поскольку человеческие цели должны быть соотносимы с причинными отношениями, закономерностями природы, то Ф. Бэкон не смог сформулировать положения теории, согласно которой цели существуют только в действиях человека [2].

Итак, детерминизм и телеология хоть и не взаимоисключают друг друга, но, тем не менее внутренне противоречивы. Попытку разрешить парадокс причинности и целесообразности сделал И. Кант. Он ввел в обиход понятие «целевая каузальность». Он утверждал, что объяснить явления окружающей действительности невозможно в рамках только каузальной причины. Он настаивал на том, что «Если хотят объяснить, что такое цель по ее трансцендентальным определениям (не предлагая ничего эмпирического, подобно чувству удовольствия), то цель есть предмет понятия. Поскольку это понятие рассматривается как причина этого предмета (реальное основание его возможности), то и каузальность понятия в отношении его объекта есть целесообразность (*foma finalis*). Следовательно, там, где не только познание предмета, но и сам предмет (его форма или существование), как действие, мыслят, как возможное только через понятие об этом действии, там мыслят себе и цель. Представление о действии есть здесь определяющее основание его причины и предшествует последней» [6: 413]. Таким образом, любое изучаемое явление или объект может рассматриваться и как следствие предшествующей причины, и как средство, направленное на достижение определенной цели.

В работах Г.В. Гегеля телеология возникает как закономерность

развития исторического процесса [4]. По Г.В. Гегелю, историческая деятельность всего человечества формируется из действий людей. Индивиды преследуют собственные цели. Однако в ходе реализации этих целей возникает нечто не запланированное. Эта массовая случайность становится необходимостью. Следовательно, люди и целые народы в попытке добиться своего становятся орудием чего – то более общественно значимого, исполняемого ими бессознательно. Это «что-то», по мнению Г.В. Гегеля, есть Абсолютное, Мировой Разум или Дух. Значит, весь многовековой путь человечества можно рассмотреть в виде единой, замкнутой системы развития Мирового Разума. Таким образом, Г.В. Гегелю в ходе изучения закономерностей развития исторического процесса удалось объединить причинный и целевой подход.

Итак, анализ философских концепций показывает, что стала очевидной необходимость дополнить господствовавший долгое время принцип детерминизма телеологическим принципом. Следовательно, проблема рефлексии категорий «причина» и «цель» в XIX веке вновь стала изучаться, как было предложено Аристотелем, в их единстве. Однако рассматривалась она уже не на спекулятивно – философском уровне, а на конкретно-научном уровне. Об этом свидетельствуют появившиеся на рубеже XIX–XX веков работы психологов, для которых хоть и не так скоро, но категория «цель» стала предметом их опытного изучения.

В книге «Научные основы психологии» (1902 г.), которую можно было бы назвать меморандумом научной психологии, В. Джеймс не рассматривает категорию «цель» как одну из основных психологических категорий.

Исследование цели в рамках научной психологии начинается с работ В. Вундта. Согласно его

представлениям, мотив детерминирует действия, направленные на достижение цели. Однако в ходе деятельности достигаются и другие цели, которые изначально не были определены мотивами. Впоследствии эти цели становятся мотивами и определяют новые цели. Этот принцип воспроизводства целей В. Вундтом был назван принципом гетерогонии целей [7].

Представители бихевиоризма, описывая поведение человека, использовали такие термины, как «стимул», «реакция», «подкрепление». Как видно, категории «цель» в данной цепи места не нашлось. Справедливости ради отметим, что в работах необихевиориста Э. Толмена встречается понятие «целевого бихевиоризма».

Целенаправленный бихевиоризм Э. Толмена изложен в его работе «Целенаправленное поведение у животных и человека» (1932 г.). Он представляет собой систему объективного исследования поведения в ситуации ориентации на достижение конкретной цели. Для него было совершенно очевидно, что любое поведение направлено на достижение определенной цели. И животное, и человек, выполняя конкретное задание, например, проходя через лабиринт, каждый раз справляются быстрее и более качественно, что говорит о наличии у них цели. Следует отметить, что Э. Толмен, как представитель бихевиоризма, в своих исследованиях оперировал только реакциями организмов, которые являются функциями научения. Он рассматривал целенаправленное поведение как ответное поведение (реакцию), что дало ему право отрицать присутствие сознания в целенаправленном поведении [8].

На наш взгляд, непосредственное развитие рассматриваемая проблема получила в работах К. Левина и его последователей. Согласно представлениям К. Левина, цель возникает в ситуации выбора возникших извне задач различной

сложности в некотором «предметном поле». Стремление к решению задач является средством достижения внутренних целей субъекта, детерминированных его притязаниями в отношении результатов деятельности. Именно за выбором заданий стоит процесс образования цели. Процесс образования цели К. Левин рассматривал как процесс анализа и оценки заданий по степени значимости для субъекта, а также вероятности успеха деятельности [4].

Концепцией, возникшей как существенный интерес к проблеме постановки целей в связи с возникшими организационными проблемами, является теория целеполагания Э. Локка. Он утверждал, что поведение человека детерминировано индивидуальными сознательными целями и намерениями. С точки зрения Э. Локка, процесс целеполагания выглядит следующим образом. Человек устанавливает личные цели, определяющие интенсивность и направленность его действий, достижение которых обеспечивает получение удовлетворения. Согласно его теории, результативность деятельности индивида детерминирована следующими характеристиками целей: «сложность – это степень профессиональности и уровень исполнения, необходимые для ее достижения; специфичность – ее количественная ясность, точность и определенность; выгодность (приемлемость) – это степень, до которой работник воспринимает цель как собственную; приверженность цели – готовность приложить усилия для ее достижения» [9: 25]. Кроме того, одним из центральных положений теории Э. Локка является тезис о том, что индивиды, ставящие перед собой или принимающие поставленные другими умеренно трудные цели, прикладывают больше усилий и достигают их. Справедливости ради следует отметить, что у этой теории есть недостаток. Данная теория целеполагания

предполагает высокую степень независимости служащих, стремление индивидов к постановке труднодостижимых целей.

Итак, возникшие на границе веков концепции психологов, объясняющие участие цели в регуляции поведения человека и животных, были сформулированы на основе эмпирических исследований, по сути своей являются детерминистскими.

В отечественной психологии традиционно понятие «цель» рассматривается в контексте сознательной деятельности человека (принцип материалистической телеологии). Понятие «цель» определяется психологами как некий образ желаемого результата деятельности. Цель, на которую субъект деятельности направляет свое поведение, опирается на состояние готовности и/или установки действовать определенным образом, на участие волевых процессов в осуществлении деятельности. Кроме того, цель детерминируется потребностями субъекта и соответственно мотивами, которые по средствам постановки цели структурируются и переводятся в область сознательного. Следовательно, цель является регулятором деятельности человека и неким ориентиром в ситуации принятия решений [10].

На наш взгляд, изучение категории «цель» наиболее широко было представлено в отечественной психологии и непосредственно связано с категорией деятельности и принципом деятельностного подхода. Деятельностный подход был представлен в работах Б.Г. Ананьева, М.Я. Басова, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, Б.Ф. Ломова и ряда других авторов. Первым с инициативой выделения деятельности как особой категории психологии выступил М.Я. Басов. Он сформулировал основные положения психологической теории деятельности, проанализировал

динамическую структуру деятельности, характер взаимосвязи ее отдельных единиц или актов. Идея М.Я. Басова приобрела более конкретные очертания уже в работах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева. Именно под их руководством в тридцатые годы прошлого столетия в отечественной психологии формируется два направления в развитии деятельностного подхода. Следует сказать о том, что оба этих направления получили свое развитие не только в нашей стране, но и во многих странах зарубежья.

С.Л. Рубинштейну принадлежит обоснование основополагающего методологического принципа единства сознания и деятельности. Одновременно с ним А.Н. Леонтьев с коллегами теоретически и экспериментально разрабатывал проблему общности строения внешней и внутренней деятельности. Наиболее явно различия в направлениях исследования обнаруживаются в сороковых и пятидесятых годах прошлого столетия.

Суть этих различий состоит в следующем. Позиция С.Л. Рубинштейна заключалась в том, что следует изучать не деятельность как таковую, а психику, разумеется, через раскрытие ее объективных связей и опосредований, в том числе через исследование деятельности. Совершенно противоположными оказались взгляды А.Н. Леонтьева. Он считал, что именно деятельность неизбежно должна быть предметом психологии, так как психика, являясь формой предметной деятельности, не существует вне порождающих и опосредующих ее деятельности.

Структура деятельности в теории А.Н. Леонтьева [11] представлена следующим образом: потребность, мотив, цель, условие, действие, операция. Стоит обратить внимание на то, что в теорию им было введено понятие «мотива-цели», т.е. осознанного мотива, который детерминировал общую цель

и зоны целей, определяющие отбор, выбор собственно действий.

В 30-х годах Л.С. Рубинштейн [12] сформулировал основной принцип теории деятельности: «единство сознания и деятельности». Исходя из этого, одним из теоретических обобщений относительно особенностей деятельности, сделанных Л.С. Рубинштейном, является то, что деятельность сознательна и целенаправленна. Именно эти две основные качественные характеристики определяют возможность в деятельности реализовать свои цели.

В дальнейшем психологами было предложено немалое количество схем деятельности (В.В. Давыдов, Г.П. Щедровицкий, О.А. Конопкин, В.Д. Шадриков, Г.В. Суходольский, В.Э. Мильман), выходящих за пределы классической структуры, предложенной еще Г.В. Гегелем: цель, средство, результат. Представленные варианты структуры деятельности различных авторов в большинстве своем трудно различимы. Главным достижением деятельностного подхода является то, что в его рамках исследовались действия, а также их структурные компоненты: мотивы, цели, задачи, способы и условия осуществления. Следует отметить, что исследователи шли по пути редукции психики к действию. Эти формы редукции популярны в науке и сегодня. Тем не менее, несмотря на большое количество концепций, деятельность нуждается в объяснении.

С середины XX века дальнейшее осмысление этой проблемы становится все более конкретно-научным. С появлением кибернетики (Х. Эверетт, 1954–1957 гг.), общей теории систем (К.Л. Фон Бергаланфи, 1950) изменилось понимание соотношения причина и цель. Прогресс к более совершенному состоянию свойственен любой системе при том, что она не нуждается ни в цели и ни в причине. Следовательно, в этом движении систем есть нечто, что определяет

изначальную его заданность. Это напоминает энтелехию Аристотеля, которая есть не что иное, как внутренняя сила, заключающая в себе цель и конечный результат. Кроме того, система автономно приходит к оптимальному состоянию, позволяющему сохранить саму себя. И здесь причина обнаруживает целевую заданность. То есть здесь цель предстает перед нами не как некий желаемый образ, а как цель, присущая самой системе. В связи с этим наиболее эффективной может оказаться квантовая стратегия целеполагания, суть которой заключается в том, что задается не цель как таковая, а состояние, которое приводит к ней с максимальной вероятностью [13].

В недра естественных наук также проникли эти идеи. Хотя их представления о цели не так однозначны. В литературе естественнонаучного цикла крайне редко встречаются попытки обращения к проблеме целеполагания биологических систем в соответствии с их жизненными задачами (конечными целями). Справедливости ради следует отметить, что применение «целевого подхода» и его терминологии к изучению естественных объектов у многих биологов вызывает негативную реакцию. Более того, «цель» как научная категория многими исследователями не рассматривается.

Несмотря на нежелание использовать в своих исследованиях целевой подход, существование всего живого не лишено целесообразности и требует ее достойного отображения. В частности, Ч.М. Нигматулиным [14] было показано, что применение целевого подхода при изучении биологии всецело оправданно. Им сформулирована конечная цель основных биологических систем (организм – популяция – общество – биосфера), которая заключается в достижении репродуктивного возраста и воспроизводстве популяции. Конечная цель каждой

популяции также воспроизводство. Следовательно, общим для целевых установок основных биологических систем от организма до биосферы является принцип самосохранения.

Высказанное им предположение во многом сходно с положениями учения В.И. Вернадского о биосфере, гипотезы Геи Дж. Лавлока и нового взгляда на эволюцию Л. Маргулис: живые организмы не только адаптируются в среде, но и меняют ее свойства. Следовательно, эволюция организмов и среды идут параллельно. Они делают условия среды оптимальными для существования, что обеспечивает непрерывность существования биосферы во времени и ее самосохранение как цель биологической системы.

Проблема применения «целевого подхода» в естествознании в англоязычной литературе наиболее активно начала обсуждаться в 50-е годы прошлого столетия. Сначала исследования развивались в терминах соотношения причинности и телеологии, и обсуждение шло в направлении редукционизма. Исследователи считали, что ценность «целевого подхода» в биологии состоит в том, что все описания сводятся к описаниям причин действий живых организмов (каузальный подход). Однако подобная редукционистская установка просуществовала не долго. Уже в конце шестидесятых годов начались поиски интерпретации «целевого подхода» в естественных науках на нередукционистской платформе, которые не завершены и сегодня.

В нашей стране обсуждение данной проблемы началось несколько позже, а первопроходцами здесь выступили отечественные физиологи Н.А. Бернштейн и П.К. Анохин. Вслед за ними большой вклад в разработку отдельных аспектов рассматриваемой проблемы внесли П.Г. Светлов, О.К. Тихомиров, Б.С. Украинцев, И.Т. Фролов и др.

Существенным отличием во взглядах Н.А. Бернштейна на

понимание жизнедеятельности организма, в отличие от мыслителей периода «классического» механицизма в физиологии, лежит его новое представление об организме не как пассивной системы, отвечающей на внешние стимулы и адаптирующейся к условиям среды, а как созданной в процессе эволюции целеустремленной системы. Согласно представлениям Н.А. Бернштейна, действия организма устремлены на удовлетворение потребностей, на достижение поставленной цели, которую он назвал «моделью потребного будущего» [15]. Таким образом, процесс жизни направлен на развитие по пути родовой программы и самобеспечения.

Теория функциональной системы П.К. Анохина, в отличие от рефлекторной теории, объясняет поиск человеком или животным раздражителей из внешней среды. Согласно представлениям П.К. Анохина, поведенческий акт состоит из нескольких сменяющих друг друга стадий: афферентный синтез, принятие решения, акцептор результатов действия, эфферентный синтез, целенаправленное действие, оценка достигнутого результата. С точки зрения П.К. Анохина, биологические, а в случае с человеком, и социальные потребности являются определяющей причиной целенаправленного поведения. Справедливости ради следует отметить, что рефлекторный

принцип объяснения поведения живых организмов не отрицается теорией функциональной системы, а является частью в целостной системе деятельности.

Итак, понимание жизнедеятельности организма, предложенное Н.А. Бернштейном, П.К. Анохиным и поддержанное их последователями, является проявлением принципа материалистической телеологии, принципа целесообразности действий живых организмов.

Таким образом, осуществленный нами анализ свидетельствует о неоднозначности в определении категории «цель» со времен античности до наших дней. Появившись в рамках философии, категория «цель» стала и сохранила позиции одной из ключевых категорий психологии, несмотря на пересмотр оценки научных категорий, вызванных сменой научных парадигм.

Нам представляется, что на современном этапе развития методологии науки необходимой является систематизация понятий каузальной и телеологической причинности в соответствии с передовыми научными представлениями. Наш взгляд, наиболее эффективной для систематизации и построения объяснительных моделей категории «цель» является правомерное применение стратегии совмещения каузальной и телеологической причинности.

Примечания:

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. История античной эстетики. Т. II. М.: Искусство, 1969.
2. Книгин А.Н. Учение о категориях: учеб. пособие. Томск, 2002.
3. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
4. Макаров М.Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л.: Наука, 1974, С. 1–188.
5. Системность и эволюция / отв. ред. Ю.А. Шрейдер; АН СССР, Московское о-во испытателей природы, АН СССР, Ин-т биологии развития. М.: Наука, 1984. 92 с.
6. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 4 т. / подгот. Н. Мотрошиловой [и др.]. М.: Наука, 2001. Т. 4. С. 413, 655.
7. Вундт В.М. Введение в психологию / пер. Н. Самсонова. М.: КомКнига. 2007. 168 с.

8. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии / пер. с англ. А.В. Говорунов, В.И. Кузин, Л.Л. Царук: под ред. А.Д. Наследова. СПб.: Евразия, 2002. С. 259.

9. Мотивация персонала в современной организации: учеб. пособие / под общ. ред. С.Ю. Трапицына. СПб.: Книжный Дом, 2007. С. 25.

10. Багадирова С.К. Психологическая структура спортивной деятельности: анализ и новый подход к ее построению // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3, Педагогика и психология. 2014. Вып. 3. С. 130–135.

11. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 509 с.

12. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 354 с.

13. Менский М.Б. Квантовая физика и сознание человека. URL: <http://bilnet.ru/wordpress/kvantovaya-fizika-i-soznanie-cheloveka.html>.

14. Нигматуллин Ч.М. Целеполагание основных биологических систем: организм, популяция, сообщество и биосфера // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. Сер. Биология. 2005. Вып. 1(9). С. 142–153.

15. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений / под ред. В.П. Зинченко. М.; Воронеж: Изд-во Ин-та практ. психологии: Модек, 1997. 608 с.

References:

1. Losev A.F. History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato. History of ancient aesthetics. Vol. II. M.: Iskusstvo. 1969.

2. Knigin A.N. The doctrine of categories: a manual. Tomsk, 2002.

3. Aristotle. Metaphysics // Aristotle. Collected Works: in 4 v. M.: Mysl, 1975. Vol. 1.

4. Makarov M.G. The category of «purpose» in pre-Marxist philosophy. L.: Nauka, 1974, P. 1–188.

5. Systematic approach and evolution / the executive editor is Yu.Au Schrader; USSR Academy of Sciences, Moscow society of Naturalists, USSR Academy of Sciences, Institute of Developmental Biology. M.: Nauka, 1984. 92 pp.

6. Kant I. Critique of Judgment // Kant I. Works: in 4 v. / prepared by N. Motroshilova [et al]. M.: Nauka, 2001. V. 4. P. 413, 655.

7. Wundt V.M. Introduction to Psychology / transl. by N. Samsonov. M.: KomKniga. 2007. 168 pp.

8. Schultz D.P., Schultz S.E. History of modern psychology / transl. from English by A.V. Govorunov, V.I. Kuzin, L.L. Tsaruk: ed. by A.D. Nasledov. SPb.: Eurasia, 2002, P. 259.

9. Motivation of the personnel in modern organization: a manual / under general ed. of S.Yu. Trapitsyn. SPb.: Knizhny Dom, 2007. P. 25.

10. Bagadirova S.K. Psychological structure of sports activities: analysis and a new approach to its construction // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 3, Pedagogy and Psychology. 2014. Vol. 3, P. 130-135.

11. Leontyev A.N. Lectures on general psychology. M.: Smysl, 2000. 509 pp.

12. Rubinstein S.L. Principles and ways of psychology development. M.: Publishing House of the USSR AS, 1959. 354 pp.

13. Mensky M.B. Quantum physics and human consciousness. URL: <http://bilnet.ru/wordpress/kvantovaya-fizika-i-soznanie-cheloveka.html>.

14. Nigmatullin Ch.M. Goal setting of the major biological systems: organism, population, community and the biosphere // Bulletin of Nizhny Novgorod University of N.I. Lobachevsky. Ser. Biology. 2005. Iss. 19. P. 142–153.

15. Bernstein N.A. Biomechanics and physiology of movements / ed. by V.P. Zinchenko. M.; Voronezh: Publishing House of the Institute of Practical Psychology: Modek, 1997. 608 pp.